

К 120-летию В. К. Зворыкина

“Отсталая Россия” — этот унылый стереотип, это позорное звание прочно приклеилось к нашей стране. В советское время его повторяли для того, чтобы противопоставить расцвету науки и техники в СССР. На Западе не затруднялись различиями в этапах нашей истории и всю её мазали серой, а то и чёрной краской. “Образованцы” в “демократической” РФ усвоили этот взгляд.

А между тем вклад русских гениев в развитие науки и техники всего мира огромен. В этом, в частности, убеждает деятельность Владимира Козьмича Зворыкина — изобретателя телевидения.

Важно подчеркнуть, что Зворыкин не был каким-то гениальным одиночкой, порвавшим со своей средой и страной (ещё один стереотип, “объясняющий” участие русских учёных в научном прогрессе). Он — плоть от плоти традиционной России, исконной Руси, которая ненавистникам-русофобам представлялась не иначе, как “посконной” и “лапотной”.

В очерке муромского писателя Юрия Фанкина обстоятельно прослежены семейные и исторические корни изобретателя телевидения, его связь с одним из древнейших городов нашей страны.

ЮРИЙ ФАНКИН

РУССКОЕ ОКО

Первое упоминание о старинном муромском роде купцов Зворыкиных мы встречаем в городской писцовой книге 1636 года.

Как гласит семейное предание, в конце XVI века в Муром из Сербии пришли братья Зворка — от них и пошла известная фамилия. . .

Владимир Козьмич Зворыкин, будущий создатель электронного телевидения, родился 17 июля (по новому стилю 30 июля) 1889 года. Его отец, Козьма Алексеевич, был крупным хлеботорговцем и владельцем пароходов. В семье было семь детей, Владимир — самый младший, последний.

Муром, один из древнейших городов России, в то время насчитывал 20 тысяч человек, 23 церкви и 3 монастыря. Трёхэтажный особняк Зворыкиных на берегу Оки главным фасадом выходил на Базарную площадь, где ежегодно, в июне, на день святых муромских князей Петра и Февронии, проходила широкая ярмарка.

Церковные праздники справлялись по всем православным традициям и правилам. Каждая муромская семья посещала свою церковь (Зворыкины являлись прихожанами Сретенской церкви).

Праздники сопровождалась крестными ходами, гуляниями по Касимовской улице и Окскому саду, а на Крещение — купанием в оборудованной речной проруби.

ФАНКИН Юрий Александрович закончил Муромский государственный педагогический институт. Первые рассказы были опубликованы в журнале “Наш современник” в 1978 г. Автор романа “Осуждение Сократа”, повестей “Городушки”, “День поминья и свадьбы”. Живёт и работает в г. Муроме. Член Союза писателей России.

Владимиру на всю жизнь запомнилось, как священник однажды доверил ему “чудесную обязанность — зажигать канделябры”, как они украшали Рождественскую ёлку и весело праздновали Масленицу.

“Мы ели блины со сметаной и солёными блюдами, такими, как икра, сельдь... — вспоминал В. К. Зворыкин. — Для нас, детей, это было своего рода соревнование — хвастать, кто сколько съел в этот день блинов. Потом мы катались на городском катке под вальсы, исполняемые местным духовым оркестром. Днём по центральным улицам города проходило специальное шествие запряжённых в сани лошадей. Каждый демонстрировал своих лучших лошадей, экипировку саней и меха. Обычно этот парад завершался гонками повозок, которые часто опрокидывали седоков в мягкий снег...”

Козьма Алексеевич очень хотел, чтобы его младший сын стал инженером, пошёл по славным стопам родных дядюшек: один из них, Николай Алексеевич, был магистром физики и математики, другой, Константин Алексеевич, считался крупным специалистом в области резания металлов и технологии машиностроения.

Закончив начальную школу, Владимир поступил в городское реальное училище, где обучалось около ста двадцати мальчиков разных сословий (дети дворян, мещан, крестьян). Учёба давалась ему легко. Любимым предметом в старших классах была физика. Техника не оставляла его равнодушным: “Подобно многим молодым людям, я вообще с интересом относился к сложным машинам и был не прочь разобрать и собрать то, что попадало в руки из механики”. Однажды, в отсутствие профессионального электрика, он отремонтировал сигнальную систему на отцовском пароходе.

Когда в Муроме появилась телефонная связь — “провода блестели на солнце, как золотые волосы какого-то сказочного чудовища”, — Владимир, услышав прерывистый зуммер, со всех ног бежал к своему домашнему телефону: это ли не чудо — слышать голос знакомого человека за десяток вёрст?

Годы обучения в реальном училище совпали с революцией 1905 года и русско-японской войной. В Муроме, как и в других городах, проходили забастовки и демонстрации фабричных. Не миновало революционное поветрие и реалистов — ну, кто не жаждет “свобод” и “счастья народного”? Смутьянкой в семье Зворыкиных была старшая сестра Надежда. Она не только сама распространяла нелегальную литературу, но и приобщала к своему “романтическому” занятию младших. Одно время в доме Зворыкиных дети, втайне от отца, прятали человека, скрывающегося от полиции (прямо-таки сюжет романа В. Катаева “Белеет парус одинокий”).

Своеобразным “образовательно-революционным центром” была нелегальная ученическая библиотека в муромском реальном училище. Её создали ученики старших классов, но не без участия некоторых взрослых, традиционно предпочитающих держаться в тени. Библиотека существовала не только на членские взносы учеников, но и на средства “меценатов”. Книжный фонд тайной библиотеки пополняли бывшие реалисты, продолжавшие образование в Москве, Санкт-Петербурге, Тарту и других городах. Приём в библиотеку проводился после тщательного изучения личности “новобранца”, причём требовались рекомендации двух поручителей. Библиотека имела печать в виде чёрной звезды (символика, похоже, не случайная). В целях конспирации библиотека постоянно меняла своё местонахождение. Запрещённую литературу старались хранить у тех учеников, чьи родители были вне подозрения со стороны властей. Поэтому не исключено, что какое-то время эта библиотека могла храниться и в доме Козьмы Алексеевича Зворыкина.

В 1906 году Владимир заканчивает с отличием реальное училище. О дальнейшем образовании младшего сына уже подумал отец: конечно же, Санкт-Петербургский Технологический институт!

Молодой провинциал успешно сдаёт приёмные экзамены, но конкурс достаточно высок — профессия инженера была в то время престижной, — и Владимира зачислят только по второму, дополнительному, списку.

Его студенческая жизнь началась с участия в шумных столичных митингах. Не отставая от своих новых, “прогрессивных” друзей, Владимир распространяет листовки, занимается пропагандой среди рабочих. Эта деятельность для него могла закончиться весьма печально: “Однажды я получил задание передать по указанному адресу тяжёлый пакет из мастерской института. При подходе к квартире я обнаружил у подъезда полицейскую карету, в которую

кого-то заталкивали. Я прошёл мимо указанного мне дома... Так случай спас меня от ареста. Позже меня всё-таки арестовали за распространение листовок, призывающих к выборам во 2-ю Думу, и мне пришлось две недели провести в тюрьме...»

Однако Владимир всё же приехал в столицу не для того, чтобы митинговать, а учиться. На втором курсе революционные иллюзии основательно померкли, а пути с некоторыми студенческими «вожаками» окончательно разошлись. Будучи человеком честным и щепетильным, Владимир воспринимал «слово» и «дело» в органической неразсторжимости и потому не мог терпеть двуличия. Один случай его особенно покоробил и заставил пересмотреть отношение к некоторым «товарищам».

Как-то Владимира попросили выполнить большое количество чертежей для студента, оканчивающего институт. Этот человек хотел поскорее защитить диплом и скрыться за границей от преследования полиции. Владимир не сразу догадался, что ему придётся делать копии со старого проекта, полученного, по всей вероятности, за деньги из архива института. Реквизиты были убраны, данные изменены. Владимир бескорыстно, не считаясь со временем, выполнил большой объём работы, а потом по чистой случайности оказался на митинге, посвящённом осуждению студентов, которые за плату нанимали других делать себе чертежи. И как раз главным докладчиком оказался тот «товарищ», ради которого трудился бессонными ночами Владимир. Второкурсник был обескуражен не только лицемерием выпускника, но и фактом своего невольного участия в мошенничестве. Возмущение Владимира было настолько велико, что он с группой своих единомышленников направил письмо в адрес администрации института — студенты требовали навести должный порядок в учебном заведении. К слову сказать, будущий «отец телевидения» едва ли мог предположить, что на его Родине будут торговать не только старыми проектами, но и самими дипломами.

Охладев к «политике», Владимир полностью переключается на учёбу. Особый интерес вызывают у него экспериментальные работы в физической лаборатории профессора Б. Л. Розинга. Здесь любознательный студент узнаёт о проекте передачи изображения на расстоянии русского учёного П. И. Бахметьева. Слова «электрическая телескопия», «дальновидение» завораживают. Здесь молодой учёный впервые потрогал своими руками катодную трубку Б. Л. Розинга, ещё не совершенную, которая со временем станет электронно-лучевой и будет называться иконоскопом.

На третьем курсе Владимир в числе большой группы студентов Технологического института побывал на промышленных предприятиях Германии, Бельгии, Франции, Англии. Будущие инженеры познакомились с новейшей техникой и организацией производства. Однако основная часть студенческой практики проходила внутри страны. Владимиру пришлось поработать не только в институтской лаборатории диагностики двигателей, но и на металлургическом заводе, электростанции и железной дороге.

Процесс превращения столичного студента в квалифицированного специалиста поучителен не только с сугубо инженерной, но и нравственной точки зрения: «Сначала я был кочегаром, бросая в течение восьми и более часов уголь в топку паровоза. Сдав экзамен, я перешёл в помощники инженера. Заканчивал практику уже как инженер, отвечающий за работу маневрового паровоза...»

Его дипломный проект дизельной электростанции для сельской местности получает самую высокую оценку экзаменационной комиссии. Но Владимиром владеет похожее на сказку «дальновидение». Б. Л. Розинг советует молодому учёному продолжить образование — поехать в Париж к профессору Ланжевену для изучения рентгеновских лучей. Предложение пришлось Владимиру по душе, беспокоило одно: как отнесётся к поездке отец? Козьма Алексеевич, видевший в сыне продолжателя семейного предпринимательства, ждал Владимира в Муром. Отсрочка возвращения его не обрадовала. И тем не менее он согласился, однако с условием: побудешь год за границей и вернёшься в Муром. И чтобы купеческий сын не бедствовал в чуждеальной стороне, выделил ему от щедрот «кругленькую сумму».

И вот молодой русский инженер, не знающий французского языка, появляется в лаборатории известного физика Поля Ланжевена в Колледж де Франс. Он получает рабочее место, выбирает тему для исследования. И, по сути дела, никакой опеки, никакого «руководства». Если хочешь — спроси, тебе не от-

кажут в консультации. Но какие могут быть вопросы, если Владимир не может толком понять, о чём говорят коллеги? И тут ему помогают природная смекалка и научная интуиция. “Не имея никакого понятия о рентгеновских лучах, я всё же к концу первого года смог собрать неплохую установку и воспроизвести картинки рентгеновского дифракционного рассеяния различными кристаллами с чёткостью не хуже, чем у кого бы то ни было в то время. Рентгеновское оборудование, которое я использовал, было достаточно мощным; оно не имело хорошей защиты, поэтому удивительно, что я не пострадал серьёзно, как это случилось с рентгеновскими операторами того времени... Однажды в лабораторию пришли две русские студентки, у одной из них в кисть руки вошла игла. Ей нужен был рентгеновский снимок для врача, чтобы определить местоположение иглы. В это время ещё не было рентгеновских аппаратов даже в большинстве больниц. Хотя собранная мной установка не была предназначена для таких целей, после небольшой импровизации мне удалось сделать достаточно чёткий снимок, который помог врачу определить местоположение иглы. Это был мой первый контакт с медицинской электроникой. В 1912 году началась передача радиосигналов с Эйфелевой башни. Я установил радиоприёмник в лаборатории и экспериментировал с разными типами детекторов. Это был также мой первый опыт, связанный с радиопередачей”.

С разрешения отца Владимир намеревался продолжить своё образование в Берлинском университете, но тут его застаёт весть о начале Первой мировой войны: сначала Австро-Венгрия объявила войну братской Сербии, а потом, в ответ на тотальную мобилизацию русской армии, и Германия напала на Россию. Оказавшись во вражеской стране, молодой инженер с большими трудностями (через Данию и Финляндию) добирается до Санкт-Петербурга.

Как выпускник лучшего технического учебного заведения страны, имея влиятельного в среде промышленников отца, он мог бы без особого труда найти тихую заводь на любом предприятии и тем самым уклониться от военной службы. Однако не в характере Владимира отсиживаться в тылу. После недолгого обучения в училище радиосвязи он в чине рядового отправляется на фронт.

Прибыв в Гродно, Владимир в течение бессонной ночи собирает пылящуюся на складе полевую радиостанцию и устанавливает связь с укрепленным пунктом Ковно.

Инженерная мысль Владимира постоянно в творческом поиске. Так, он приспособливается слушать немецкую радиостанцию “Науэн”, передающую новости германского Генштаба. Важной информацией Владимир делится не только с непосредственными командирами, но и передаёт в штаб соединения войск. Командующий Восточным фронтом, до которого доходят сведения об эффективно действующей зворыкинской радиостанции, поначалу сомневается: возможно ли такое? Однако рядовой с инженерным значком не успокаивается на достигнутом: он разрабатывает устройство, позволяющее предотвращать утечку информации по проводным средствам связи (блокировка подслушивания).

Действия инженера Зворыкина нередко выходят за рамки армейской дисциплины. Однажды возникла необходимость переоборудовать передвижную радиостанцию в стационарную. Без согласования с начальством Владимир разобрал старую радиостанцию и без промедления смонтировал вновь. К машинному генератору он подключил новенький двигатель. Полковник инженерных войск, узнав об очередной “инициативе” своего подчинённого, был вне себя: “Как вы посмели демонтировать аппаратуру без разрешения и акта? Это же преступление!”

С помощью здравомыслящего офицера из военной инспекции историю удалось замять, но на душе Владимира остался горький осадок.

По дублирующему приёмнику Зворыкин первым узнаёт о победе русских войск под Перемышлем. После первой радостной реакции ему задают вопрос: “Как вы могли узнать новость, переданную кодом? Код же известен только вашему капитану...”

Владимир смущённо пожимает плечами: “Как-то я пользовался кодом и запомнил его наизусть!”

В результате постоянного переутомления Владимир стал страдать бессонницей и галлюцинациями: в ушах, не переставая, звучал писк морзянки...

Военный врач настоятельно рекомендует ему поменять обстановку, и Владимир, прослужив в армии около полутора лет, возвращается в Санкт-Петербург. Его зачисляют в преподаватели Офицерской радишколы и вскоре производят в офицеры.

В это время происходит важное событие в личной жизни Владимира. Он влюбился в студентку стоматологического училища Татьяну Васильеву и после романтического ухаживания, не испросив согласия у находящихся вдалеке родителей, предложил своей избраннице руку и сердце. К радости Владимира, Козьма Алексеевич и Елена Николаевна отнеслись к поступку сына с пониманием: они прислали новобрачным поздравление и подарки для молодой жены.

Из радишколы Владимира переводят в военную приёмку на русском филиале Маркони в Санкт-Петербурге. По документации союзников-французов завод пытался в спешном порядке освоить новый вид высоковакуумных ламп.

Здесь Владимиру пришлось не только заниматься непосредственными научно-производственными делами, но и поучаствовать в довольно рискованной экспедиции. В сопровождении нескольких сот казаков и драгунов он направляется в туркменский городок Тургай для восстановления связи, нарушенной басмачами. Экспедиция благополучно доставила в Тургай оборудование для радиостанции и восстановила порушенные телефонные линии. В обратную дорогу Владимир решил отправиться самостоятельно, не дожидаясь возвращения экспедиции. Без должной охраны, в сопровождении одного верхового, местного жителя-туркмена, он пытается добраться до ближайшей железнодорожной станции и попадает в плен к басмачам. Владимиру не без труда удаётся убедить хана в том, что он является посланником русской армии, ведущим переговоры с басмачами, и его отпускают целым и невредимым...

Затяжная война с Германией обернулась Февральской революцией, которую в либеральных кругах тут же поименовали “великой” и “бескровной”. Зримо, с бунинским сарказмом рисует В. К. Зворыкин Петербург тех дней: “В городе наступил всеобщий праздник. Все вышли на улицу. Никто не работал. Повседневная жизнь остановилась... Демонстрации и парады проходили то по одному, то по другому поводу, в то время как снабжение продуктами ухудшалось с каждым днём. Перед булочными и бакалеями выстраивались длинные очереди; молоко можно было купить только у крестьян, главным образом из Финляндии. Практически на каждом углу можно было встретить оратора, как правило, вернувшегося с фронта солдата, призывающего к свободе и посылающего “долой” всё остальное. Около особняка известной балерины стояла огромная толпа в надежде увидеть Ленина, который занимал особняк и на самом деле часто показывался...”

Появляться на улице с офицерскими погонами теперь стало небезопасно. Стало практикой привлекать руководителей за “бесчеловечное” отношение к подчинённым. Однажды и В. К. Зворыкина вызвали в самозванный Военно-революционный трибунал. Не чувствуя за собой никакой вины, Владимир Козьмич отправился по адресу, указанному в повестке. Оказывается, на него пожаловался недавно мобилизованный парень Константин. Ситуация, по словам Владимира Козьмича, была весьма курьёзной: “В своё время для того, чтобы испытать передатчик, я установил в кухне приёмник и настраивал его, а Константин в комнате возле микрофона должен был считать: “один”, “два”, “три” и т. д. Тогда все мои попытки объяснить ему, как действует радио, были безрезультатными. Он воспринимал всё, как что-то колдовское. Ему казалось, что я заставляю его заниматься ерундой...”

К счастью для “ответчика”, визит в трибунал закончился благополучно. Нашёлся человек, который довольно быстро разобрался в характере жалобы и дал “истцу” доходчивое напутствие: “Ступай отсюда и больше не показывайся!”

Тем временем обстановка на фронте ухудшалась. Немногие оставшиеся организованные части прикладывали героические усилия, чтобы остановить немцев, рвущихся к столице. Временное правительство пыталось создать новые части, в основном из добровольцев и офицеров, для защиты города. Эти военные соединения комплектовались новейшей техникой и вооружением, закупленными во Франции и США.

По совету знакомого офицера Владимир Козьмич вступает в особую воинскую часть ТАОН – тяжёлую артиллерию особого назначения. Её вооружение состояло из тяжёлых шестидюймовых орудий.

“Многие обязанности для меня были новыми, – вспоминал В. К. Зворыкин, – так что пришлось изучать механизмы не только пушек, но также тракторов и легковых автомобилей американского и французского производства...”

Однако Россия стояла на грани распада и кровопролитной Гражданской войны. Большая часть Украины была занята немцами, в Киеве сидел гетман. Батарея, в которой служил Владимир Козьмич, располагалась на противоположном от Киева берегу Днепра в местечке Бровары. Вооружённая охрана с трудом сдерживала нападения дезертиров на технику части...

Однажды Владимир Козьмич в качестве делегата батареи был отправлен на общефронтовой митинг. При возвращении поезд подвергся нападению дезертиров. Расхристанная солдатня шла по вагонам, разоружая и арестовывая офицеров. В последний момент Зворыкину удалось выскочить в открытое окно. Несколько шальных пуль просвистело над его головой...

“Вскоре ситуация на нашем фронте коренным образом изменилась, – вспоминает В. К. Зворыкин. – Нас окружили украинские войска. Не оказывая сопротивления, мы сложили оружие с условием, что персонал с личным имуществом будет отпущен”.

Переодевшись в гражданское, Владимир Козьмич добирается до Киева, где его ждёт жена Татьяна, приехавшая недавно из Петрограда. Супруги решают, как быть дальше. Жена настаивает на немедленном отъезде в Германию. Муж не соглашается. Поссорившись, молодые супруги разъезжаются в разные стороны.

Владимир Козьмич отправился в Москву. Здесь от сестры Марии он узнаёт печальную весть о кончине отца. Расстроенный, Владимир Козьмич едет в Муром. Повидать – может быть, в последний раз – свою матушку и старшую сестру, которые теперь временно проживают в комнатке реквизированного зворыкинского дома.

“Власть в Муроме быстро перешла от полиции и управы к местным Советам, – вспоминает Владимир Козьмич. – Это привело к бесправному положению не только привилегированных прежде людей, но и к нарушению жизни всего города...”

Он видит, как по знакомой Воскресенской улице маршируют латышские стрелки. Когда-то оживлённая Базарная площадь подозрительно пуста – традиционные ярмарки отменили, так как они “могут привести к обострению и без того остро стоящего в Муроме продовольственного вопроса”. Родное реальное училище закрыто. Последний директор И. И. Смирнов, не выдержав неразберихи и нелепых требований вроде “запрещаются рабские поклоны учителям, вставание при ответе, задавание уроков на дом и оставление на второй год”, подал заявление об уходе.

... После пребывания в Муроме Владимир Козьмич, ненадолго задержавшись в Москве, направляется в Омск. Похоже, в это время он по-настоящему задумывается об эмиграции: “Мне не хотелось участвовать в Гражданской войне. Более того, я мечтал работать в лаборатории, чтобы реализовать идеи, которые я вынашивал. В конце концов, я пришёл к выводу, что для подобной работы нужно уезжать в другую страну, и такой страной мне представлялась Америка”.

В Екатеринбурге, прямо на вокзале, его задерживает красный патруль. Следовательно, бывший зубной врач, пытается понять, куда и зачем пробирается этот интеллигентный, с ироническим прищуром глаз, человек. Версия Владимира Козьмича проста: по направлению советского учреждения он едет в Омск, чтобы оборудовать радиостанцию. С документами у него всё в порядке (друзья постарались). Следовательно интересуется: “Служил ли в царской армии?”. Отрицать подобный факт – значит, вызвать новые подозрения. Владимир Козьмич, соблюдая обличье правды, признаётся: да, служил, в качестве рядового, в своих соотечественников никогда не стрелял и стрелять не собирается.

Мобилизовав свои познания в области физики, следовательно задаёт задержанному несколько “специфических” вопросов. Выпускник Технологического института без труда отвечает. Следовательно убеждается, что перед ним действительно “специалист”, но отпускать В. К. Зворыкина не торопится; нужно связаться с Москвой, выяснить все обстоятельства командировки. Как долго продлится это “выяснение” и чем оно может закончиться, неизвестно.

Обескураженный Владимир Козьмич в сопровождении охранников отправляется к месту заключения. Проходят несколько томительных дней, и тут до него доходит страшная весть: неподалёку, в доме Ипатьевых, расстреляна царская семья. Вот чем обернулся примелькавшийся лозунг “Долой самодержавие!...”

У Владимира Козьмича такое ощущение, что и его жизнь висит на волоске. Спасение приходит неожиданно: в Екатеринбург врываются восставшие чехи. После недолгого допроса “специалиста из Москвы” отпускают. Владимир Козьмич продолжает свой рискованный путь в Омск, а там перемена: на смену большевикам пришло Сибирское правительство. Встретив понимание со стороны новых властей, В. К. Зворыкин начинает непосредственно заниматься делами радиостанции. Ему без проволочки оформляют документы, необходимые для поездки на оборудовании в Америку, и он отправляется туда довольно сложным круглым путём.

С партией радиодеталей В. К. Зворыкин возвращается в Омск, но ему приходится теперь иметь дело не с Сибирским правительством (оно так же быстро пало, как и возникло), а с адмиралом Колчаком. Характер деятельности Владимира Козьмича не меняется, но Колчаку нужна не только радиостанция, но и самые разнообразные товары из США...

Однажды, сопровождая груз деловых бумаг и посылок, “полномочный представитель” адмирала Колчака доставил в Америку особо ценный груз – освящённую мирру, отправленную Русской православной церковью главе Русской церкви в США.

Когда правительство Колчака пало, Владимир Козьмич принял окончательное решение остаться в Америке.

Путь русского инженера на чужой земле непрост. Некоторое время он работает в должности оператора счётных машин в бухгалтерии Русской закупочной комиссии. Одновременно посещает курсы английского языка и подыскивает подходящую инженерную работу. По посольским каналам он узнаёт берлинский адрес своей жены, высылает ей деньги на дорогу, и через несколько месяцев наступает радостный момент воссоединения (и всё же первый брак В. К. Зворыкина оказался непрочным, его скреплению не помогло даже рождение двух дочерей: Нины и Елены).

Наконец, поиск профессиональной работы заканчивается успехом. В 1920 году Владимир Козьмич находит подходящее место в известной фирме “Вестингауз Электрик”. Когда-то, в 1888 году, Жорж Вестингауз переманил из Франции в США “творца электросвета” А. Н. Лодыгина, и вот теперь в группе инженеров, разрабатывающих приёмно-усилительные лампы для радиоприёмников, мы видим будущего “отца телевидения”.

Свой языковой пробел Владимир Козьмич компенсирует исключительным трудолюбием: “Я много работал, иногда задерживаясь в лаборатории до утра. Я начал замечать, что приношу пользу группе, и мне это было приятно. Занимаясь технологией изготовления катодов для радиоламп, я сконструировал и довёл до изготовления полуавтоматическую установку для нанесения бариевой плёнки на платиновую нить. Это значительно ускорило процесс изготовления катодов, повысило их качество...”

В 1923 году, когда директором лаборатории становится С. Кинтер, Владимир Козьмич получает возможность заняться тем, что более всего волновало его научное воображение, – телевидением.

До Зворыкина преимущественно развивалось механическое телевидение, по поводу которого шутили: “Телевизор с почтовый ящик, а изображение с почтовую марку”. Фотоэлементы, необходимые для преобразования света в электрическую энергию, оставляли желать лучшего. И вот русский инженер, положившись исключительно на собственные силы, создаёт телевизионную установку, основанную полностью на электронном принципе.

Однако Генеральный директор компании “Вестингауз” Дэвис не сумел оценить по достоинству выдающееся открытие. Он даже посоветовал “парню из России” не тратить время на пустяки, а заняться чем-то по-настоящему полезным.

Патентное ведомство США не спешило признать изобретение электронной системы телевидения. Свою заявку В. К. Зворыкин подал в 1923 году, а патент получил только через 15 лет (да и то после обращения в так называемый “Суд совести”).

Как бы ни складывались обстоятельства, “железный Влад” (так называли его друзья) не опускал руки. В 1925 году он делает заявку на изобретение системы цветного ТВ. Патент он получит лишь в 1928 году.

“К тому времени, — рассказывает изобретатель, — я понял, что работу над идеей, способной привести к коммерческому успеху, нужно камуфлировать до тех пор, пока возможность получения прибыли не станет очевидной для людей бизнеса. Ваша собственная убеждённость не играет большой роли”.

Достойный проект требует достойного воплощения. В 1928 году В. К. Зворыкин знакомится с бизнесменом Давидом Сарновым, эмигрантом из Одессы, давно обосновавшимся в Америке и имевшим хватку делового человека.

Практичный Сарнов рассматривал телевидение как логическое продолжение радиовещания, способное принести значительную выгоду. “Романтик от науки”, В. К. Зворыкин, считающий иконоскоп “современным вариантом человеческого глаза”, основное назначение телевидения видел не в рекламе и развлекательных программах, а в научном и духовном осмыслении жизни: “Я мечтал использовать телевидение, главным образом, для расширения возможностей нашего зрения, чтобы увидеть, например, такие недоступные места, как поверхность Луны или дно океана...”

Позже, в 60-е годы, видя, как нечистоплотные политики используют его изобретение в целях манипулирования сознанием народа, учёный стал высказывать весьма актуальную и для настоящего времени мысль о том, что телевидение из чуда может превратиться в чудовище...

Давид Сарнов сразу же понял, кто перед ним. Он задаёт конкретный вопрос: “Сколько времени и денег потребуется для завершения работ по созданию вещательного телевидения?” Неискушённый в вопросах бизнеса В. К. Зворыкин, чуть задумавшись, отвечает: “Два года и 100 тысяч долларов!”.

Владимир Козьмич просчитался: дело стоило миллионы долларов! Однако не просчитался “барон технологии” Давид Сарнов: осуществление зворыкинской “идеи” принесёт компании доходы, не соизмеримые с любыми материальными затратами.

Владимир Козьмич переходит в компанию Сарнова. Тот создаёт все условия для работы нового сотрудника. И уже в 1931 году русский гений создаёт передающую трубку с накоплением электрических зарядов на мозаичном фотокатоде. Эту трубку Владимир Козьмич назовёт “иконоскопом”: от греческих слов “икон” — картина и “скоп” — видеть.

Человечество получило современное телевидение!

Популярность “отца телевидения” неуклонно растёт. Он широко публикуется в научных журналах. Должность директора лаборатории хорошо оплачивается. Однако русского укоренённого человека, несмотря на все превратности судьбы, постоянно тянет на Родину...

Загородный дом учёного в Таунтон Лейке, что в двадцати милях от его места работы, — Камдена, был своеобразным “оазисом русскости”. Он приезжал сюда на стареньком автомобиле, “преимущество” которого заключалось в том, что его можно было чинить старомодным образом (заменяя только неисправные детали, а не целые узлы и блоки) — это позволяло Владимиру Козьмичу чувствовать себя умелым мастером, а не бездумным потребителем.

Здесь он с распростёртыми объятиями принимал друзей-эмигрантов; здесь он, освободившись от условностей “американского образа жизни”, становился самим собой: сердечным, озорным, с прекрасным чувством юмора. Гости, как и хозяин, говорили только на русском — Владимир Козьмич, в отличие от своего патрона, Давида Сарнова, так и не научился до конца своих дней говорить на чистом английском.

Вести домашнее хозяйство супругам Зворыкиным помогал добродушный негр Линн, выступавший скорее в роли уважаемого дворецкого, нежели обычного слуги. Линн усвоил в совершенстве русский уклад и русскую кухню. На стол подавались селёдка с картошкой, солёные огурцы, щи, пироги, индейка с брусникой и, конечно, чёрный хлеб в достаточном количестве.

Здесь пели под гитару старинные романсы, много говорили, вспоминали прошлое, похожее на сон...

Первая поездка В. К. Зворыкина в СССР состоялась в августе 1933 года. Друзья отговаривали: “В России ещё неспокойно. Большевикам нельзя верить. Пригласили Петра Капицу, а назад не отпустили...” Но Владимир Козьмич рискнул...

Выступая с лекциями, он побывал в Москве, Ленинграде, Киеве, Тбилиси (там произошла встреча со старшим братом Николаем, инженером-гидростроителем). Однако навестить родной Муром, положить цветы на могилы предков (к тому времени умерла и его мать) Владимиру Козьмичу не удалось. Русскому уроженцу оказывали особые знаки внимания. Ему даже выделили военный самолёт, чтобы Владимир Козьмич сумел отдохнуть пару деньков на Черноморском побережье.

Ещё до первой поездки в СССР через советских учёных, посещавших США, он получал предложения вернуться на Родину. Обещали создать все условия для научной работы. Владимир Козьмич сомневался: “Я уже осел в США и не хотел бы менять привычный уклад жизни...”

Но к важному для себя вопросу “возвращаться – не возвращаться?” Владимир Козьмич вернулся во время второй поездки на Родину. Осенью 1934 года в доме академика Дмитрия Васильевича Наливкина, мужа сестры Зворыкина Анны, состоялся “семейный совет”. Владимир Козьмич склонялся к возвращению: “Жизнь сложилась так, что мой брак с Татьяной распался. Сколько можно ездить взад вперёд? пора возвращаться! материалы новых моих работ при мне...”

Присутствующие на “совете” сестры горячо поддержали брата, но осторожный Дмитрий Васильевич думал иначе: “Да, Владимир, принимают тебя в СССР с большим почётом. Ты представляешь собой ценность как учёный, обходиться с тобой нужно деликатно, поскольку в твоём кармане лежит американский паспорт. Представим теперь, что ты поменял этот паспорт на “краснокожую паспортину”. Для кого-то ты будешь уважаемым человеком, сумевшим изобрести нечто очень важное. Для многих же других ты останешься, во-первых, сыном купца первой гильдии, во-вторых, бывшим царским офицером. В-третьих, в недавнем прошлом американским гражданином, имевшим тесные связи с миром буржуазии. При неблагоприятном стечении обстоятельств даже одного из этих пунктов будет достаточно, чтобы ты оказался далеко от обещанных тебе лаборатории и квартиры. Я не знаю, говорили ли тебе о том, что твой родственник, Алексей Константинович Зворыкин*, был в 1928 году арестован и получил десять лет “без права переписки”. С тех пор о нём ни слуха, ни духа. А ведь он был известным изобретателем, имел благодарность от Ленина “За восстановление Красного Флота”. Ты вспомни процесс Промпартии 1930 года и поверь мне, что дело этим процессом не ограничится. Зачем тебе самому лезть в петлю?”

Доводы Д. В. Наливкина выглядели убедительными. Владимир Козьмич пообещал хорошо подумать...

Поездки В. К. Зворыкина на Родину принесли и практические результаты. При его содействии был заключён пятилетний договор о сотрудничестве и обмене информацией между Радиопромом СССР и фирмой, в которой работал изобретатель. По условиям договора компания поставила комплект аппаратуры для Московского телецентра. В 1937–1948 годах (исключая перерыв, вызванный Великой Отечественной войной) на этом оборудовании велись регулярные передачи ТВ из Московского телецентра на Шаболовке.

Во время своей второй поездки Владимир Козьмич был поражён тем, что увидел в лабораториях Ленинградского института телемеханики: “В первый раз я приехал ознакомить вас с моими достижениями. Второй раз я уезжаю коллегой. Боюсь, что в третий раз мне придётся у вас многому учиться...”

Научные ощущения Владимира Козьмича были верными. Телевидение в СССР развивалось весьма быстрыми темпами, и уже Ленинградский телецентр, сооружённый в 1937 году, состоял из узлов и деталей отечественного производства.

В годы войны с Германией деятельность “отца телевидения” получила соответствующую переориентировку. Так, он создаёт прибор ночного видения для автомобилей и танков. Ему принадлежит разработка системы телевизионной наводки радиоуправляемых бомб (кодовое название “Рок”).

Когда в 1943 году к Владимиру Козьмичу обратились активисты Фонда помощи жертвам войны в России, то он без колебаний возглавил Нью-Йоркское отделение этого Фонда. Любопытно, эта благородная деятельность не получила одобрения госдепартамента США. В 1945 году, когда он с группой спе-

* А. К. Зворыкин – отец Киры Алексеевны Зворыкиной, международного гроссмейстера, вице-чемпионки мира по шахматам.

циалистов должен был вылететь в Германию (предстояло оценить материалы научных исследований и промышленных разработок разгромленной страны), ему неожиданно запретили покидать пределы США. Владимир Козьмич был возмущён: “Я узнал, что мой паспорт задержан госдепартаментом из-за того, что я являюсь членом Фонда помощи жертвам войны в России. Поскольку эта организация была вполне легальной и в неё входили высокопоставленные лица, единственное объяснение я усматриваю в своём русском происхождении. Что и говорить, горькая пилюля после многих лет и стольких трудов, отданных моей новой стране. Я снова почувствовал себя как в клетке...”

Ситуация была непростой: русский учёный по существу лишился не только допуска к секретным проектам, но и работы в компании. Однако в дело вмешался влиятельный Давид Сарнов, не желающий терять ценного работника, и американский паспорт в конце концов В. К. Зворыкину вернули.

Научный диапазон выходца из России необычайно широк. Под его непосредственным руководством был создан электронный микроскоп, который в тысячи раз превышал возможности оптических микроскопов. Среди разработок В. К. Зворыкина компьютерный метод предсказания погоды, система электронного управления транспортом, читающее устройство для слепых.

Похоже, профессиональные интересы второй жены Владимира Козьмича Е. А. Полевицкой (она была врачом) положительно сказались на исканиях выдающегося учёного. Так, он создаёт электронный стимулятор сердца и приборы для диагностики ряда заболеваний (метод “эндорадиозондирования”).

Внешне Владимир Козьмич представляет собой тип очень целеустремлённого и как будто “неконфликтного” учёного. В отличие от Сарнова, он подчеркнuto не интересуется “политикой”, хотя “политика”, безусловно, интересует его.

Корпорация, где он продолжает работу, процветает: её оборот примерно один миллиард долларов в год. Действуя последовательно и дипломатично, Сарнов пытается склонить “романтика от науки” к выгодным, хорошо оплачиваемым заказам. Как же относится к “соблазнительным” предложениям учёный?

В этом плане многое проясняет письмо родственницы Зворыкина С. В. Черкесовой муромскому краеведу Н. С. Крылову: “Это было в Комарове. Разговор в кругу собравшихся родственников коснулся научных работ В. К. Зворыкина. Сестра, Анна Козьминична, стала упрекать своего брата в том, что он работает на военных. В. К. Зворыкин, бывший до этого мягким, добродушно улыбчивым, как-то посерьёзnel и сказал, что он получал неоднократные предложения от военных, которые за участие его в разработке новой электроники военного назначения сулили ему “золотые горы”. “Вам даже трудно себе представить, насколько я мог стать богатым человеком, согласившись на эти предложения. Уклонение от этих предложений ускорило мой уход из корпорации”.

В период с 1959-го по 1975 год Владимир Козьмич посещает СССР не менее 8 раз. Он участвует в культурной программе, посвящённой Американской выставке в московском парке “Сокольники”, знакомится с научными лабораториями Москвы и Ленинграда.

Посещая СССР в качестве туриста, Владимир Козьмич не имел возможности побывать в родном Муроме, который числился “закрытым городом”. Это в годы “перестройки-перекройки” наши оборонные предприятия стали доступными для любого цэрзушника, а когда-то даже русскому учёному с мировым именем сложно было попасть в родные места.

В сентябре 1967 года Владимир Козьмич и Екатерина Андреевна приезжают по туристической путёвке во Владимир с разрешением посетить Муром. Бегло осмотрев достопримечательности областного центра, они берут такси и отправляются в город на Оке.

Два часа быстрой езды, и перед глазами Владимира Козьмича “былинный камень” с изображением Ильи Муромца.

Как преобразился родной город! Раньше купеческий Муром славился баранками, огурцами, рогожами, промыслом стерляди и осетра – теперь здесь выпускают тепловозы, холодильники, радиолы, стрелочные переводы... Вместо прежних названий улиц – Никольская, Воскресенская, Сретенская, Козьмодемьянская, Овражная... – на табличках домов запечатлены другие имена и события: Ленина, Свердлова, Войкова, Первомайская, Коммунистическая...

Бывшая Базарная площадь теперь именуется площадью 1100-летия г. Муром, на месте старых торговых лабазов возвышается здание городского комитета КПСС и исполкома Совета народных депутатов.

Владимир Козьмич ищет взглядом золотые купола кафедрального собора Рождества Богородицы, уютную церковь Иоанна Предтечи, но можно ли отыскать то, чего давно нет? Красивейший собор взорвали – теперь на его месте парк отдыха с медленно вращающимся “чёртовым колесом”, церковь снесли, и на ее месте построили школу, которая носит имя легендарного лётчика Н. Ф. Гастелло – воспитанника муромского комсомола.

Где же родное, памятное? К чему можно прислониться сердцем?

Однако ещё стоят вековые вязы на Кремлёвской горе, бьют святые родники, отмечающие знаменитый скок Ильи Муромца, и красавица Ока по-прежнему катит свои синие волны, и всё это, глубокое, вечное соединяет и по-христиански примиряет то, что, казалось бы, примирить невозможно.

Можно представить, с каким трепетом ступал Владимир Козьмич на порог своего родового дома, ставшего краеведческим музеем.

Среди работников музея настоящий переполох: у них в гостях не только выдающийся учёный, но и человек, которому когда-то всё это, “реквизированное”, “экспроприированное”, принадлежало.

Не торопясь, проходит Владимир Козьмич по выставочным залам, но видит он не зуб мамонта, не редкий фарфор из имения графини Уваровой, не громоздкий пулемёт времён Гражданской войны, а себя и своих близких, принадлежащих не времени, а памяти.

Обойдя все этажи, Владимир Козьмич просит разрешения осмотреть чердак – возможно, там находятся какие-то семейные реликвии. Более всего, учёного интересует рукопись дяди Николая Алексеевича, которого, как он предполагал, можно было считать изобретателем радио.

К сожалению, чердачные поиски не принесли результатов.

Не повезло Владимиру Козьмичу и на заброшенном городском (напольном) кладбище, могил отца и матери, умерших в годы революционной смуты, найти не удалось.

Общавшийся в течение насыщенного дня с гостями из Америки главный архитектор города Н. А. Беспалов поделился своими впечатлениями о знаменитом земляке: “Исключительная простота в манере общения, контактность, отсутствие какой-либо надменности, умное и волевое лицо. Простота в одежде: выдавший виды костюм, который, видимо, удобен в туристической поездке. Как-то само собой получилось, что с первых минут встречи между нами установился контакт, и весь день мы разговаривали так, как будто мы были знакомы давно. Владимир Козьмич очень хорошо помнил город начала века, сожалел об утраченных памятниках архитектуры, вспоминал многих владельцев сохранившихся домов. Он был очень доволен, что его родовой дом находится в хорошем состоянии и используется как музей. Встреча с Владимиром Козьмичём закончилась поздно вечером в доме за вечерним чаем, как это было принято в начале века. Владимир Козьмич и Елизавета Аркадьевна Куликова* вспоминали свои молодые годы, городской бульвар, где они встречались. Находясь в дальнем родстве, они хорошо знали друг друга. За чаем, когда было поставлено варенье, Владимир Козьмич вспомнил, что около их дома был большой сад, а по склонам оврага были заросли терновника. Его мать также любила варенье из чёрной смородины. Супруга Владимира Козьмича заметила, что в Америке чёрная смородина не родится и её привозят из Парижа”.

Во время расставания супруги Беспаловы подарили гостям несколько картин работы И. С. Куликова.

Вернувшись в США, Владимир Козьмич вскоре отправил письмо своим землякам: “Самое светлое воспоминание о нашей последней поездке в Россию – это посещение Мурома...”

К тому времени русский учёный находится в зените славы. Ему принадлежат 120 патентов, более 80-ти научных публикаций. Он удостоен Американской национальной медали науки, ордена Почётного легиона Франции, ордена Почёта правительства Италии и множества других наград.

* Е. А. Куликова (в девичестве Соколова) – жена академика живописи И. С. Куликова, ученика И. Е. Репина.

В 1978 году организация, объединяющая выходцев из России, – Конгресс Русских Американцев – торжественно чествовала выдающегося изобретателя и учёного В. К. Зворыкина. В канун 90-летнего юбилея Владимиру Козьмичу был вручён диплом “Заслуженного Русского Американца”, и его имя было внесено под первым номером в Русско-Американскую Галерею Славы. Годом позже в Галерею Славы было включено и имя младшей дочери Л. Н. Толстого Александры Львовны (ей в ту пору было 95 лет).

А на године “эмигранта” Зворыкина попросту замалчивали.

Однажды корреспондент радио “Голос Америки” спросил, имеет ли учёный награды от Советского Союза. Владимир Козьмич, охотно отвечавший на другие вопросы, сразу погрузился и негромко сказал: “Не достоин”.

В 1982 году Владимира Козьмича Зворыкина не стало. Отпевание состоялось 3 августа в церкви Принстонского университета.

Упоминание о смерти В. К. Зворыкина появилось в советской печати лишь два года спустя после его кончины (журнал “Радиотехника”, №8 за 1984 год).

И всё же благодарная память, пусть и медленно, рушит искусственно возведённую стену забвения. В 1989 году в Муроме состоялось выездное заседание института истории, естествознания и техники АН СССР совместно с Всесоюзным научно-техническим обществом электроники, радиотехники и связи им. А. С. Попова, посвящённое 100-летию юбилею В. К. Зворыкина. В заключение своего выступления доцент МИФИ Г. А. Алексаков сказал: “Всю жизнь Зворыкин оставался русским человеком и патриотом, помогавшим своей Родине. Его имя необходимо вернуть отечественной науке и культуре”.

В дни торжеств, 25 июля, на доме, где родился и провёл молодые годы будущий “отец телевидения”, была открыта мемориальная доска. Работники краеведческого музея развернули обширную тематическую выставку.

В 1990 году решением учёного совета Муромского филиала Владимирского политехнического института была учреждена стипендия имени В. К. Зворыкина. Имя выдающегося учёного стало звучать в городских школах, техникуме радиоэлектронного приборостроения...

И тем не менее, несмотря на заметные знаки внимания, трудно избавиться от ощущения, что подлинное признание Владимира Козьмича Зворыкина на Родине ещё впереди.

г. Муром